

Введение

Эра толпы

Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты — не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей. Перемены эти, однако, случаются редко, потому что самое прочное в каждой расе — это наследственные основы ее мыслей.

Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных

фактора. Первый — это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй — это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности.

Идеи прошлого, хотя и наполовину разрушенные, все еще достаточно сильны; идеи же, которые должны их заменять, находятся еще в периоде своего образования — вот почему современная эпоха есть время переходное и анархическое.

Нелегко предсказать, что может выйти из такого периода, поневоле имеющего хаотический характер. Каковы будут основные идеи, на которых воздвигнутся новые общества, идущие нам на смену? Мы этого пока не знаем. Но мы уже теперь можем видеть, что при своей организации им придется считаться с новой силой, последней повелительницей современной эпохи — могуществом масс. Эта сила возникла на развалинах многих идей, считавшихся некогда истинными и теперь исчезнувших, многих сил, разрушенных последовательно революциями, и, по-видимому, готова поглотить и остальные. И в то время, как все наши древние верования колеблются и исчезают, старинные столпы общества рушатся друг

за другом, могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс.

Не более столетия тому назад традиционная политика государств и соперничество государей были главными факторами событий. Мнение масс не принималось в расчет, да большей частью оно и не существовало. В настоящее же время политические традиции, личные склонности монархов, их соперничество уже более не принимаются в расчет, и, наоборот, голос толпы становится преобладающим. Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушаться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций.

Вступление народных классов на арену политической жизни, то есть в действительности их постепенное превращение в руководящие классы, представляет одну из наиболее выдающихся характерных черт нашей переходной эпохи. Это вступление на самом деле вызвано вовсе не всеобщей подачей голосов, которая долгое время не имела самостоятельной, руководящей роли и легко подчинялась сторонним влияниям. Прогрессивный рост могущества толпы совершился прежде всего путем распространения известных идей, которые медленно

насаждались в умах, а затем — посредством постепенного образования ассоциаций индивидов с целью осуществления теоретических построений. Путем ассоциации толпа выработала идеи (если не совсем справедливые, то, во всяком случае, вполне определенные) о своих интересах и получила сознание своей силы. Толпа составляет синдикаты, перед которыми капитулируют все власти, одна за другой, и организует биржи труда, стремящиеся управлять условиями работы и заработной платы. Толпа посылает в правительственные собрания своих представителей, лишенных всякой инициативы и, чаще всего, служащих только простым орудием тех комитетов, которые их избрали.

В настоящее время притязания толпы становятся все более и более определенными. Ограничение рабочих часов, экспроприация рудников, железных дорог, фабрик, земли, равномерное распространение всех продуктов и т. д., и т. д. — вот в чем заключаются требования толпы.

Мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию. Благодаря своей теперешней организации, толпа получила огромную силу. Догматы, только что нарождающиеся, скоро получают силу старых догматов, то есть ту тираническую верховную силу, которая не допускает никаких

обсуждений. Божественное право масс должно заменить божественное право королей.

Писатели, пользующиеся симпатиями нашей современной буржуазии и лучше всего умеющие выразить ее несколько узкие идеи, поверхностный скептицизм и подчас чрезмерный эгоизм, теряются при виде новой силы, растущей на их глазах, и, чтобы как-нибудь побороть «беспорядок», господствующий в умах, обращаются с отчаянными воззваниями к нравственным силам церкви, которыми некогда они так пренебрегали. Они говорят нам о банкротстве науки и, возвращаясь кающимися грешниками из Рима, призывают нас к изучению истин откровения. Но все эти новообращенные забывают, что уже слишком поздно! Если бы даже в самом деле милость Божия коснулась их, все-таки они не могли бы теперь иметь достаточной власти над душами, мало интересующимися теми вопросами, которыми так поглощены новоиспеченные святоши. Толпа не хочет теперь тех богов, которых они сами не хотели знать еще так недавно и ниспровержению которых сами способствовали. Нет такой божественной или человеческой власти, которая могла бы заставить реку течь обратно к своему источнику!

С наукой не произошло никакого банкротства, и она не при чем ни в нынешней анархии

умов, ни в образовании новой силы, растущей посреди этой анархии. Наука обещала нам истину или по крайней мере знание тех отношений, которые доступны нашему уму, но она никогда не обещала нам ни мира, ни счастья. Совершенно равнодушная к нашим чувствам, наука не слышит наших жалоб. Мы должны прилаживаться к ней, потому что ничто не может вернуть нам тех иллюзий, которые она рассеяла.

Общие симптомы, заметные у всех наций, указывают нам быстрый рост могущества масс и не допускают мысли, что это могущество скоро перестанет расти. Что бы оно нам ни принесло с собой, мы должны будем с ним примириться. Всякие рассуждения и речи против этого могущества — пустые слова. Конечно, возможно, что вступление на сцену толпы знаменует собой одни из последних этапов цивилизации Запада, полное возвращение к периодам смутного переходного времени, всегда, по-видимому, предшествующего расцвету каждого нового общества. Но как же помешать этому?

До сих пор самой определенной ролью масс было великое разрушение устаревших цивилизаций. Роль эта существует не с нынешнего дня. История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась

цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль, и на время философия численности является, по-видимому, единственной философией истории.

Будет ли так же и с нашей цивилизацией? Мы можем этого бояться, но еще не можем этого знать. Что бы там ни было, но мы должны покориться и пережить царство толпы.

Эту толпу, о которой начинают так много говорить, мы знаем очень мало. Профессиональ-

ные психологи, жившие вдали от нее, всегда ее игнорировали, а если занялись ею в последнее время, то лишь с точки зрения ее преступности. Без сомнения, есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии; нельзя узнать духовную организацию толпы, изучая только ее преступления, так же как нельзя узнать духовную организацию какой-нибудь личности, изучая только ее пороки. Впрочем, говоря по правде, все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы и часто — очень верно. Именно благодаря этому пониманию они и становились властелинами толпы. Наполеон прекрасно постиг психологию масс той страны, в которой царствовал, но зачастую выказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас. Только потому что он не понимал этой психологии, он и мог вести войну с Испанией и Россией, нанеся ему могуществу удар, от которого оно погибло.

Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся

в руках государственного человека, — не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее. Если, например, какой-нибудь законодатель желает учредить новый налог, то должен ли он в таком случае выбрать такой налог, который будет наиболее справедливым? Никоим образом! Самый несправедливый налог может в практическом отношении оказаться самым лучшим для масс. Если такой налог не бросается в глаза и кажется наименее тяжелым, он всего легче будет принят массами. Поэтому косвенный налог, как бы он ни был велик, не вызовет протеста толпы, так как он не стесняет ее привычек и не производит на нее впечатления, ибо взимается ежедневно и уплачивается по мелочам при покупке предметов потребления. Но попробуйте заменить этот налог пропорциональным налогом на заработок или другие доходы и потребуйте уплаты этого налога сразу, — вы вызовете единодушные протесты, хотя бы теоретически этот налог

и был бы в десять раз легче первого. Вместо незаметных копеек, уплачиваемых ежедневно, тут получается сравнительно высокая сумма, и в тот день, когда ее придется вносить, она покажется чрезмерной и потому уже произведет внушительное впечатление. Если бы откладывать постепенно по грошу, то, конечно, она не показалась бы такой большой, но подобный экономический прием указывал бы на предусмотрительность, к которой вообще толпа не способна.

Указанный пример весьма прост, и справедливость его бросается в глаза. Такой психолог, как Наполеон, конечно, понимал это, но большинство законодателей, не знающих души толпы, не заметят этой особенности. Опыт еще недостаточно убедил их в том, что нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума.

Психология масс может иметь применение и во многих других случаях. Она бросает свет на множество исторических и экономических фактов, которые без нее были бы совершенно необъяснимы. Я буду иметь случай указать здесь, что если самый замечательный из современных историков, Тэн, так плохо понимал в некоторых случаях события нашей великой революции, то это произошло лишь потому, что он никогда не думал изучать душу толпы.